

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

И.М. Савельева

**НОВАЯ «СОЦИАЛЬНОСТЬ»
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ**

Препринт WP6/2015/03

Серия WP 6

Гуманитарные исследования

Москва
2015

УДК 316.343
ББК 60.5
С12

Редактор серии WP6
«Гуманитарные исследования»
И.М. Савельева

- Савельева, И. М.**
С12 Новая «социальность» социальной истории [Текст] : препринт WP6/2015/03 / И. М. Савельева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом. Высшей школы экономики, 2015. – (Серия WP6 «Гуманитарные исследования»). – 24 с. – 150 экз.

Настоящее исследование направлено на выявление новых тенденций в социальной истории XXI в., анализ ее современных теоретических оснований, идентификацию наиболее быстро и активно развивающихся областей, внутри- и междисциплинарных альянсов, центральных тем. В работе оцениваются как когнитивные аспекты социальной истории (новые предметные поля и объекты, развитие понятийного аппарата субдисциплины, ее основных категорий), так и институциональные характеристики (потеря интеллектуального лидерства в историческом сообществе, несмотря на сохранение позиций старой академической элиты, журналов и ассоциаций).

Ключевые слова: социальная история, интеллектуальная гегемония, фрагментация истории, структуры и процессы, социология, марксизм, постмодернизм, социальные классы и группы, идентичность, социальная теория, исторический журнал, научное сообщество

УДК 316.343
ББК 60.5

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2015 г.

Савельева Ирина Максимовна – д.и.н., директор ИГИТИ им. Полетаева, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономик» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Савельева И. М., 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Историческая наука во второй половине XX в. пережила небывалый подъем и теоретическое переоснащение, и локомотивом этого обновления стала социальная история. В последней трети XX в. социальная история инициировала появление целого спектра историй: детства, гендера, старости, повседневности, маргинальности и пр. Распавшись на множество самостоятельных направлений, сама субдисциплина оказалась в ситуации, которую ведущие ее представители характеризовали как кризис, «славные дни социальной истории остались в прошлом» [Kaelbe, 2003, 29].

Несмотря на разительные перемены, произошедшие в статусе и содержании социальной истории, анализ ее современного состояния остается практически не исследованным. Конечно, в последние 10 лет выходили общие работы по историографии, посвященные современной исторической науке [Iggers, 1997 [1993]; Cannadine, 2002; Marwick, 2001; Harlaftis, 2010; White, 2014; а.о.], которые предлагают широкую панораму и хорошую систему ориентиров, однако в исторической литературе крайне мало заметных исследований о положении именно социальной истории [Репина, 2011; Joyce, 2010; Price, 2010]. Работы Майлза Ферберна и Стефана Бергера [Fairburn, 1999; Berger, 2002] и автобиографический портрет социального историка, написанный Гарольдом Перкином [Perkin, 2003]¹, вышли уже довольно давно. Интересный материал по избранной теме дала давняя дискуссия, инициированная статьей Патрика Джойса «Конец социальной истории» [Joyce, 1995]² и более оптимистичным ответом на нее Джефа Эли и Кифа Нилда «Начать все сначала: настоящее, постмодерное и текущий момент социальной истории» [Eley, Nield, 1995]. В 2000-е в ведущих журналах по социальной истории изредка появлялись статьи на тему “state of art”, но скорее они носили характер манифестов [Stearns, 2003; Kocka, 2003; Kaelbe, 2003; Уваров, 2015]. Наконец в 2010 г. Джойс выступил с программной статьей «Что является социальным в социальной истории?» [Joyce, 2010]. Статья очень интересна, она фиксирует новый контекст, в котором существует социальная история сегодня: конец доминирования культурной истории, новое понимание социального в социологических теориях, новые полити-

¹ См. также: Kent, 1996.

² См. также: Joyce, 1997.

ческие факторы. Заслуживает внимания анализ исторических исследований социальных движений, недавно предложенный социологами Брайаном Диллом и Рональдом Аминзаде [Dill, Aminzade, 2010], но в поле их зрения преимущественно попадают работы 1970–90-х годов. В целом же по-прежнему гораздо чаще и увлеченно пишут о социальной истории 1960–1970 годов [Johnson, 2011]. Это отметил в свое время Питер Стирнз, сказавший, что, если в последние десятилетия прошлого века температуру социальной истории измеряли слишком часто, то в наступившем веке о ней почти перестали говорить [Stearns, 2003, 9].

Социальная история 1960-х отвечала на вопрос, как возможно общество, исследуя процессы, структуры, институты, группы, с опорой, прежде всего, на теоретический багаж социологии. Отвечает ли она по-прежнему на этот вопрос, и если да, то каким образом добываются эти ответы? Как развивалась социальная история после утраты лидерства в историографии, в какой мере она сохранила идентичность, насколько «социальна» она сегодня? В поисках ответов на эти вопросы наше исследование предлагает анализ теоретических оснований социальной истории XXI в., идентификацию наиболее быстро и активно развивающихся областей, внутри- и междисциплинарных альянсов, центральных тем, а также намечает разрывы и преемственность в эволюции социальной истории.

Статус социальной истории

Уходу социальной истории с авансены исторической науки способствовали многие факторы. Возникновение в 1970-е годы культурной истории (cultural history) и быстро завоеванная ею популярность, а затем культурный поворот, определяемый по-разному (как лингвистический поворот, культурализм, постмодернизм), с идеями релятивизма, «означивания» и деконструкции лишили социальную историю роли концептуального мейнстрима. Формальное отмежевание целого ряда направлений, стартовавших когда-то в рамках социальной истории, заметно сократило ее домен в академической историографии и во многом уравнило ее с ними. Ключевыми были и перемены в исследовательских подходах и установках самой социальной истории. К последним десятилетиям прошлого века относится разочарование в «больших теориях», в частности в теории модернизации, и охлаждение к структурной истории,

а именно на этих столпах социальная история во многом базировалась. Идеино-политический контекст, характеризовавшийся окончательной маргинализацией марксизма (всегда влиятельного в социальной истории), и появление новых «субъектов истории» (женщин, маргиналов, субалтернов и т.д.), не менее важных, чем классы, также инициировали радикальные перемены в выборе тем и палитре интерпретаций. Произшедшие перемены повлекли падение интереса к массовым источникам, особенно статистическим, и заметное охлаждение к использованию математических методов и структурному анализу.

В целом после 1970-х годов из лидера исторической науки социальная история превратилась в одно из многих направлений исторических исследований. Потеря гегемонии имеет явные признаки: появилось много новых влиятельных исторических субдисциплин, на них сориентированы новые исторические журналы, в большом количестве возникшие после 1980-х годов, убывает интерес студентов к специализации по социальной истории, новые кафедры не создаются, а часто, наоборот, переформируются, падают продажи книг по социальной истории. Социальные историки не столь заметны в области публичной истории, как историки памяти, повседневности, урбанистики или гендера [Kaelble, 2003, 29].

Тем не менее изучение содержания журналов по социальной истории за последние 15 лет, равно как и материалов соответствующих ассоциаций, скорее свидетельствует не об абсолютном, а об относительном упадке этого направления. Лидеры социальной истории 1970-х годов все это время сохраняли свои позиции в редколлегиях, в университетах, профессиональных ассоциациях, экспертных советах и пр. На протяжении десятилетий продолжали выходить журналы по социальной истории, основанные в 1960–70-е годы, а некоторые и ранее (*Journal of Social History*, *Social History*, *Past and Present* [1952]), *History Workshop Journal*, *Journal of Social Research*, *International Review of Social History* [1937–1955 – *Bulletin of the International Review of Social History*), *Labor History*, *Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*, *Annales. Histoire, Sciences Sociales* и др.). Сами социальные историки по разным поводам отмечали, что издания по социальной истории определяют динамику развития исторической науки, а также востребованы за пределами академического сообщества³.

³ См.: <https://www.socialhistory.org.uk/post.php?s=2014-04-06-a-message-from-penny-summerfield>.

Сотни историков ежегодно посещают ведущий в данной специализации Международный конгресс европейских социальных историков (European Social Science History Conference, ESSHC), регулярно организуемый Международным институтом социальной истории в Амстердаме (International Institute of Social History (IISH)). Не снижает своей активности Британское общество социальной истории (The Social History Society UK), основанное в 1976 г. Проводятся ежегодные конференции Social Science History Association в США⁴, встречи Франко-германского общества социальной истории (*франц.* Société française et allemande pour l’Histoire sociale”, *нем.* “Französische und Deutsche Gesellschaft für Sozialgeschichte), начало которым было положено в 1980-е годы. Представительные секции по социальной истории организуются в рамках ежегодного Международного конгресса исторических наук и на съездах национальных исторических ассоциаций. В Восточной Европе социальная история утверждается в 1990-е годы и набирает обороты.

Во многом сохранность социальной истории обеспечивается гибкостью социальных историков в освоении модных тем и теорий, их генетической склонностью к междисциплинарности, открытостью культурным исследованиям. В качестве иллюстрации предрасположенности к синтезу можно привести список важнейших исследований Питера Берка, социального историка, который всегда находился на перекрестке культурной и социальной истории.

- *Popular Culture in Early Modern Europe* (1978) (Народная культура в Европе раннего нового времени)
- *Sociology and History* (1980) (Социология и история)
- *History and Social Theory* (1991) (История и социальная теория)
- *The Art of Conversation* (1993) (Искусство разговора)
- *Varieties of cultural history* (1997) (Разнообразие культурной истории)
- *A Social History of Knowledge* (2000) (Социальная история знания)
- *Eyewitnessing* (2000) (Визуальные свидетельства)
- *A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet* (2002) with Asa Briggs. (Социальная история медиа: от Гутенберга к Интернету)
- *What is Cultural History?* (2004) (Что такое культурная история?)

⁴ См.: <http://ssha.org/about-the-ssha>.

- *Languages and Communities in Early Modern Europe* (2004) (Языки и сообщества в Европе раннего нового времени)
- *Cultural Hybridity* (2009) (Гибриды культуры)
- *A Social History of Knowledge: From the Encyclopedie to Wikipedia* (2012) (Социальная история знания: от Энциклопедии к Википедии)

Открытость культурным исследованиям вела к расширению тематики социальной истории, что в свою очередь способствовало возникновению междисциплинарных альянсов с лингвистикой, философией, историей литературы.

На протяжении всего интересующего нас периода происходила фрагментация предметного поля исторической науки, и этот процесс прямо затронул социальных историков. Так, Питер Стирнз, один из самых продуктивных современных историков, получивший известность в 1960-е годы как социальный историк, с 1967 г. бессменный главный редактор ведущего в этой области *The Journal of Social History*, на сегодняшний день автор или составитель более 125 книг, уже давно предельно широко определяет область своих интересов как всемирная история, социальная история, глобализация, история эмоций. Круг его работ полностью соответствует этой палитре.

Список читанных им курсов еще более красноречив: история поведения • современное европейское общество • история семьи • гендер и всемирная история • здоровье и общество • история эмоций • история глобализации • история либерализма • история протеста • история среднего класса [семинар] • история и социальные науки • права человека и всемирная история • международное образование • междисциплинарный культурный анализ • введение в прикладную историографию • введение в культурный анализ • мужчины в истории • современная европейская история • современная французская история • модернизация • социальные процессы модерна • мир и всемирная история • новейшая социальная история • секс и смерть • западная цивилизация • история рабочего класса • всемирная история • труд и досуг⁵.

Читайте снизу вверх и вы увидите не только типичный путь конкретного социального историка, но и метаморфозы социальной истории.

⁵“He has published widely in modern social history, including the history of emotions, and in world history” George Mason University History and Art History (<http://historyarthistory.gmu.edu/people/pstearns>).

Динамизм и чувствительность к переменам в дисциплинарном поле подтверждаются разнообразием секций и докладов на ежегодных конференциях, участники которых представляют оригинальные исследования по широкому кругу тем, основанные на архивных данных, материалах устной истории и артефактах материальной культуры⁶.

Авторитет социальной истории в немалой степени поддерживался великими историками поколения, заявившего о себе в 1960-х (Ханс Ульрих Велер, Юрген Кокка, Питер Стирнз, Рафаэль Сэмюэл, Чарльз Тилли, Эдвард Томпсон, Эрик Хобсбаум, Джеф Эли и др.), которые проявили одновременно и приверженность принципам «научной» социальной истории, и открытость новым веяниям. В последние годы происходила смена поколения, и результаты скажутся в ближайшие годы. Пока же недавний уход из жизни великих Эдварда Томпсона, Эрика Хобсбаума, Гарольда Перкина и др. спровоцировал дискуссии о преемственности в развитии социальной истории, новых ракурсах и приоритетах. Например, в 2009–2010 гг. более десяти статей и несколько конференций были посвящены 50-летию юбилею и переосмыслению наследия книги Эрика Хобсбаума и Жоржа Руде «Капитан Свинг», ставшей в свое время символом социальной истории⁷.

Тем не менее зафиксированное нами сохранение былых институциональных позиций не означает поддержания интеллектуальной гегемонии социальной истории [Bauman, 1992, 103–104]. Интеллектуальная гегемония, бесспорно, утрачена, и перспектива восстановления статуса не просматривается.

Новая «социальность» социальной истории

В данном исследовании нас, прежде всего, интересует диагностика исследовательского поля современной социальной истории, т.е. когнитивный аспект. Анализ целесообразно начать с определений социальной

⁶ См.: <https://www.socialhistory.org.uk/post.php?s=2014-04-06-a-message-from-penny-summerfield>.

⁷ Опубликованная в 1969 г. книга Эрика Хобсбаума и Жоржа Руде [Hobsbawm, Rudé, 1969], посвященная бунтам сельскохозяйственных рабочих в Англии в 1830–1831 гг., вызванным внедрением механических молотилок, лишивших их средств к существованию. Письма с угрозами были подписаны именем капитана Свинга. Книга стала символом новой социальной истории.

истории, которые задают и предмет, и метод этого направления. Дефиниции социальной истории со времен Марка Блока были предельно широкими. В одном варианте определения социальной истории ключевым понятием является «социальное» (social), в другом, более широком – «общество» (society). Второе значение особенно свойственно немецкой историографии, где социальная история (Gesellschaftsgeschichte – нем.) так и называется: «история всего общества с социальной точки зрения» [Коска, 1999, 276].

Собственно в отношении предмета мало что изменилось, тематика социальных историков только расширилась. Просмотр литературы показывает еще более широкий тематический охват и колоссальную экспансию во времени и пространстве. Каких только сюжетов не обнаруживается, хотя, надо признать, что многие темы в журналах по социальной истории с большим основанием могли появиться в журналах, специализированных на других субдисциплинах (культурная история, история гендера, женская история, история повседневности, постколониальная история и пр.). Таким образом, социальная история по-прежнему остается зонтичной, но под зонтиком нередко размещаются уже не просто разнообразные темы (предметы исследования), а отдельные субдисциплины со своими теоретическими подходами.

Напротив, в концептуальной области социальная история существенно трансформировалась. Для социальной истории, формировавшейся в междисциплинарном контексте 1960–1970-х годов, главным резервуаром концепций и идей, безусловно, была социология: теории Карла Маркса, Макса Вебера, Шмуэля Айзенштадта, Иммануэля Уоллерстайна, Пьера Бурдьё, Тедды Скокпол, Баррингтона Мура и многие другие. Передовые позиции в историографии 1960–1970-х годов были завоеваны именно с опорой на социологические макротeorии (социальной стратификации, модернизации, символической власти, конфликта, миросистемного анализа, структурного анализа). Главными категориями анализа были структуры, сословия, классы и массы, институты (нормы), интересы. Центральными феноменами – процессы, сопутствующие модернизации: индустриализация, движения протеста, революции, формирование массового общества.

Популярными методами изучения больших баз данных стали тогда типологизация, стратификация, квантификация, синхронный и диахронный сравнительный анализ. Эти методы как раз обеспечивали единство теории и метода и в этом смысле держали в «хорошей научной форме»

социальную историю (как и экономическую). Как только спектр исторических субдисциплин, междисциплинарных союзов и релевантных теорий стал расширяться, ситуация изменилась.

Изучение широкого спектра исследований показывает, что за последние десятилетия утрачена тесная связь социальной истории с экономической. Статьи такого рода встречаются, но стали редкостью. Это до известной степени объясняется замкнутостью экономической истории, ее сохраняющейся ориентацией на экономическую теорию и математизацию. Отчасти путь, по которому пошли социальные историки, – отказ от структурного подхода и макромоделей – предопределяет потерю интереса к экономике. Интересно, что даже такие экономические концепции как *path dependence* и неoinституционализм, на наш взгляд, крайне плодотворные для исторических исследований (что демонстрирует и современная историческая социология – Ларри Гриффин, Элизабет Клеменс, Джеффри Хайду), не переключили внимания социальных историков на экономические сюжеты.

Сложнее охарактеризовать отношения социальной истории с социологией, отходом от которой чаще всего упрекают современных социальных историков сторонники «сциентистской» социальной истории. Произошедший отказ от структурного анализа как одного из базовых методов исследования и от теории модернизации, в разных ее вариантах, как объясняющего ресурса действительно привел к трансформации социальной истории. Социальная история и историческая социология в последние два десятилетия пошли разными путями, историческая социология радикально историзировалась [Савельева, 2012], а социальная история в последние годы развивается достаточно автономно от исторической социологии, больше используя идеи из социологии современного общества. В социальной области глобальная социальная история исследовала ряд важных проблем, связанных с самоидентификацией субъекта, определением его статуса («субалтерн»), а также с понятиями «модерность», «гибридность», «метисизация», «расизация», «лиминальность». Из социологии заимствовались и разрабатывались на историческом материале такие концепты как структуры власти, социальные иерархии, идентичность, воображаемые сообщества. Последние повороты в социологии к *agency*, аффективности, социологии вещей, социальным практикам, хотя сами по себе и не имели исторического измерения [Юйсе, 2010, 7], транслировались в исторические исследования. В силу вышесказанного утверждение о десоциологизации социальной истории сегодня кажется не очень

убедительным. Да, произошла смена тем и объектов исследования, но ведь, например, микроистория настолько же социальна, насколько – макро-. Отказ от словаря понятий, связанного с классовыми теориями и теориями социального контроля, в пользу таких категорий как «идентичность», “agency”, “reciprocity”, mediation, «гендер», “subaltern”, “participation”, “negotiation” автоматически не означает сужения познавательного горизонта социальных аспектов прошлого.

Однако историки скорее переняли эти идеи через представителей культурного поворота, чем непосредственно из социологии, как это было в 1960–1970-е годы. Кроме того, адаптация социологических подходов редко шла дальше заимствования общих идей и концептов. Например, в последние годы ученые, изучающие социальные движения, вели оживленную дискуссию о господствующих парадигмах и концепциях, на которых базируются релевантные исследования: мобилизация ресурсов, теория политического процесса, культурные и когнитивные теории, сконцентрированные на создании коллективных идентичностей и целеполагании. «Каждая традиция дала целый спектр концепций, инициировавших исследования и дебаты по проблемам мобилизации, профессионализации, political opportunity structures, репертуаров, циклов протеста, фрейминга, коллективной идентичности. Но сказались ли эти оживленные дискуссии о концептах и теориях на изучении социальных движений историками? – спрашивают Брайан Дилл и Рональд Аминзаде и отвечают: «За немногими исключениями... историки обращаются к генерализующим концепциям лишь постольку, поскольку они помогают организовать и конструировать контекстные нарративы. ...Эти концепции не проблематизируются и не операционализируются, ссылки на теории, используемые в социологической литературе или другой аналитике социальных движений и коллективных действий, делаются редко, если вообще делаются» [Dill, Aminzade, 2010, 271, 273].

Конструирование социального прошлого

Социальная история всегда была социальна и в смысле чувствительности к низам, не случайно один из ее основных маркеров “history from below”. Ее подъем происходил на волне 1968 г. и вполне отражал и персональные, и коллективные левые пристрастия социальных историков

того периода. Когда социальная история утверждалась, она оперировала материалистическим представлением о социальной целостности и классовой структуре общества (классовой идентичности). Это представление было взорвано появлением истории женщин, постколониальной истории, истории сексуальности, истории меньшинств и др. Влияние этого фактора на состояние социальной истории очевидно лежит в поле глобальной и национальной политики.

В последние десятилетия прошлого века происходила самоидентификация новых социальных групп, в связи с чем вместо давно привычных «пролетариев всех стран» достойными изучения были признаны «социальные маргиналы всех стран»: женщины и гомосексуалисты, прокаженные и безумные, иноверцы и иммигранты. Определения «потерянные», «забытые» применительно к социальным группам, слоям, народам и целым континентам замелькали в заглавиях программных исследований. В результате социальная история в последние десятилетия от истории классов повернулась к истории самых разных групп. Благодаря новому представлению о классах в социальной истории огромный скачок произошел в области истории мобильности и миграций [Dupaquier, Kessler, 1992; Crossick, Haupt, 1995; Angleraud, 1998; Rosenthal, 1999; Bourdieu, Postel-Vinay, Rosental, Suwa-Eisenmann, 2000], истории профессий [Perkin, 1989; Corfield, 1995; Dezalay, Sugarman, 1995; Torstendal, 2015], социальной истории науки [Burke, 2000; Burke, 2012; Burke, Briggs, 2002].

Рабочая история, когда-то тянувшая за собой всю социальную историю, тоже продвинулась в направлении концептуальных инноваций [Kirk, 2010; Price 2010; Navickas, 2011]. Здесь мы видим гораздо более нюансированную историю *множества* классов. Вместо анализа дуалистических оппозиций (буржуазия/рабочие, аристократия/простонародье, город/деревня) предлагается изучать социальные траектории, множественные идентичности, культурную специфику разных социальных групп⁸. Введение представления о мультиидентичности вместо устойчивой идентичности, на наш взгляд, оказалось безусловно позитивным.

Сегодня, когда более очевидным становится стремление найти свою специфику в изучении социальной истории, рабочая история показывает направление движения и предлагает конкретные концепции, проблемы

⁸ Это хорошо понимали в XIX в., используя обычное во французском языке в XIX в. понятие “les classes ouvrières” (в английском – “working classes”), а не “la classe ouvrière” так же и «средние классы» (les classes moyennes *франц.*) [McWilliam, 2014, 154].

и темы, к которым могут обратиться социальные историки [Navickas, 2012]. Так, современные рабочие историки считают, что если заслуженная репутация лидеров концептуального обновления и провокаторов дискуссий социальными историками утрачена, то как раз историки рабочего движения, которые вышли за пределы национальных историй и обратились к проблеме транснационализма, могут стать агентами обновления [Price, 2010].

Социальная история XXI в. действительно тесно связана с глобальной историей и часто выступает как ее подвид. Если в 1960–1970-е годы социальные историки обращались к специфике *национального* развития, таким проблемам как “Sonderweg” в Германии, “perception français” во Франции, «скандинавская модель» и пр. [Kaelble, 2003, 32], то сейчас они двинулись к глобализму. Социальные историки активно изучают контакты и трансферы между нациями и цивилизациями и занимаются сравнительным анализом – *histoire croisée*, *entangled history* [Cohen, O’Connor, 2004; Werner, Zimmermann, 2006] – предлагая варианты глобальной социальной истории. Только это не прежний сравнительный анализ как поиск «10 отличий», а исследование истории разнообразия и управления различиями. Задача таких исследований с социальной точки зрения состоит в том, чтобы определить причины и истоки специфичности, отвечая на вопросы: объясняется ли она локализацией, социальной конфигурацией, историческим моментом или особенностями адаптации к привнесенным влияниям [Charle, 2003, 64].

Необычайное разнообразие исторического пространства характеризует сегодня содержание всех ведущих журналов по социальной истории. Из-за невозможности привести много примеров, предлагаю вполне репрезентативное *Оглавление* одного из недавних номеров *Journal of Social History* (июнь 2014, Vol. 47. Issue 4.) Это не спецвыпуск, но обращает на себя внимание географическое разнообразие, присутствующее даже в названиях статей (курсив наш. – И. С.).

Эндрю Дж. Р. Расовое неравенство в *Бразилии* и *США*, 1990–2010.

Пантэ М. Д. Мобильность и современность в городских транспортных системах колониальной *Манилы* и *Сингапура*.

Рэйли Б. Заложники малярии: рабы из *Африки* в вадии *Аравийского полуострова*.

Шермерорн К. Пленники капитализма. Морская торговля рабами в *США*, 1807–1850.

Харрис Л. Содружество Виргинии vs. Христианской Виргинии: черные женщины Юга, преступление и наказание в *Виргинии* в прогрессивную эру.

Фойстер Э. Заключенные пишут домой: функции их писем (Британия. – *И. С.*) Р. 943–967.

Сиварамакришнан К. Старость и зависимость в *Индии* после обретения ею независимости: семьи мигрантов, рабочие и социальные эксперты.

Брикел К. Роль чувств в формировании юношества в *Новой Зеландии*.

Алекзенедерсон К. Темная сторона дела: организация хаджа, панисламизм и голландская колониальная служба наблюдения в межвоенный период.

Рэй Б. Феномен транссексуальности: контр-история (США. – *И. С.*).

Броди М. Нельзя доверять никому кроме государства: малоимущие рабочие в *Британии* теряют веру в волонтаризм в конце XIX в.

Впрочем, по приведенному *Оглавлению* легко судить не только о глобализме, но и о разнообразии тематики, и о хронологических рамках интересов социальных историков.

За последние двадцать лет значительно расширился и временной охват социальной истории. Изучение прошлого, не оставившего сколько-нибудь полных баз данных, тоже требовало менее строгих техник анализа. Даже в такой традиционной для социальной истории области, как массовые протесты, мы видим исследования широкого спектра действий (от мятежей до разного рода подрывных и нелегитимных акций), начиная с позднего средневековья. Благодаря углублению в историю протеста, маститого Чарльза Тилли, работавшего с большими базами количественных показателей протестных выступлений (“contentious gatherings”) с целью представить максимально точную картину действий бедняков и трудящихся классов [Tilly, 1995], победил Джеймс Скотт, предложивший для изучения ранних форм социального протеста модель «скрытых форм сопротивления» (“hidden transcripts of resistance” [Scott, 1990]), учитывающую целый веер действий (включая бездействие), которые раньше не попадали в поле зрения социального историка [Navickas, 2011, 196]. Подавляющая часть современных исследований в этой области следует путем, проложенным Скоттом.

Хотя культурный и лингвистический повороты заметно потеснили социологию как главный источник объяснительных моделей, социальных историков последних десятилетий от представителей многих новых исторических субдисциплин отличало то, что они все-таки не разделяли идею о возможности понять прошлое исключительно в контексте восприятия, опыта, дискурсов, практик и смыслов. Они по-прежнему настаивали, что к условиям и последствиям, структурам и процессам надо относиться серьезно. С наступлением нового века призывы вернуть этим категориям их место в историческом анализе звучали все настойчивее [Коска, 2003]. При этом сегодня социальные институты рассматриваются уже не только как орудия формирования и дисциплинирования (по Мишелю Фуко) или как каналы процесса цивилизации (по Норберту Элиасу), а как места торгового, маршруты трансфера и перекрестки контактов различных агентов [Charle, 2003, 62–63].

Сегодня в поле социальной истории мы наблюдаем довольно хаотичное присутствие разного уровня проблем, теорий, концептов, инструментальных гипотез. Изменения коснулись всего: междисциплинарных альянсов, теорий, методов, тематики и географии. Если судить по журналам по социальной истории, то они как будто игнорируют старое межевание и вбирают в себя самые разные направления, которые на самом деле от социальной истории отделились. Это может быть культурная история, визуальная история, экоистория, история письма и чтения, постколониальные исследования и т.д. Что не менее важно, резкое сокращение территории социального историка в историографическом поле компенсируется фактическим присутствием социальной тематики в других историографических «уделах», когда-то в эту территорию входивших – истории детства, старости, женщин, гендера, истории повседневности и т.д. Но при этом важно понимать, что эти специалисты себя социальными историками не считают.

Социальная история всегда имела предельно широкое определение, но сегодня она имеет и размытые границы, подтверждая давнее предупреждение Эрика Хобсбаума о последствиях отказа от использования «охватывающих структур» в качестве объясняющей модели. Она по-прежнему похожа на «бесформенный контейнер, вмещающий все: от изменений в человеческой психике до символа и ритуала» [Hobsbawm, 1980, 5].

Потери в строгости методов и целостности предмета в определенной мере компенсировались приобретениями. Под влиянием культурного и лингвистического поворота произошло усложнение прошлой социальной реальности: в предметном поле социального историка оказались хитросплетения событий прошлого взамен закономерностей, индивид вместо «социального типа» и уникальный микромир вместо «больших структур». Это привело к радикальному перераспределению инструментов познания в пользу «нестрогих» методов и реабилитации воображения. В целом произошел поворот от сциентизма к гуманитаристике, в результате чего «мир наполнился смыслами», но смыслы самой социальной истории серьезно видоизменились. Эволюция социальной истории в условиях культурного и лингвистического поворота преодолела пределы, заданные сциентизацией социальной истории в духе 1960–70-х. Одним из выразительных свидетельств «свободы от строгости» является микроистория, где за Карло Леви, действительно обращавшимся к теориям микроанализа, пошли единицы, а к метафорике микроскопа обратились сотни, и именно их усилиями выросла, например, история повседневности. И разве мало замечательных открытий было сделано!

И здесь хочется сослаться на антипода Карло Леви микроисторика Карло Гинзбурга, который еще двадцать пять лет назад точно сформулировал дилемму исторической науки: «Количественное и антропоцентрическое направление естественных наук со времен Галилея, поставило гуманитарные науки перед нелегким выбором: либо принять статус слабой науки и добиться значительных результатов, либо принять научный статус, но довольствоваться результатами менее значительными» [Ginzburg, 1989, 125].

Отсюда вытекает вопрос о соотношении социального и гуманитарного в современной социальной истории. По нашему мнению, можно говорить о том, что сохранение гуманитарной составляющей исторической науки, теперь уже осознанное всеми, обеспечивает важные познавательные ресурсы и сохраняет суверенность исторической дисциплины, ее аксиоматическое ядро [Савельева, 2015]. Однако, по мнению «твердых» представителей социальной истории, новые практики исследования угрожают отказом от масштабных поисков источников, трудоемкой работы с большими базами данных, утратой «набора отточенных аналитических инструментов», систематического анализа [Fass, 2003, 41].

На наш взгляд, при оценке «социальности» социальной истории необходимо учитывать и изменения в междисциплинарном поле. Социо-

логия остается важным источником теоретических подходов и понятий, но, во-первых, за это время радикально изменилась сама социология, во-вторых, в поле зрения социальной истории попали многие другие социальные дисциплины. В отличие от социологии они менее сциентизированы, хотя и называют себя социальными (communication, cultural studies, education, environment, human geography, linguistics, media и др). Наше исследование показывает, что отказ от структурализма, функционализма, эволюционизма, детерминизма, монизма сопровождался не отходом от социологической составляющей, а освоением новых социологических концептов, что радикально трансформировало арсенал социальной истории. Да и снижение интереса к социологическому инструментарию в пользу теорий и метафор из других дисциплин («насыщенное описание», археология знания, дискурс-анализ, постколониальная критика) и очевидная внедренность постмодернистской версии социального конструктивизма не обязательно означает, что новый репертуар исторических интерпретаций социального обладает меньшим эвристическим потенциалом.

Литература

Ретина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: ЛКИ, 2009.

Савельева И.М. «Исторический поворот» за границами истории // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева (ред.). М.: ИВИ РАН, 2012. С. 36–54.

Савельева И.М. Стала ли история социальной наукой: энергичные объятия «сциентизма» // «Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории». 2015. Вып. 50. С. 9–33.

Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый хронограф, 2014. (На англ. яз.: *Torstendal R.* The Rise and Propagation of Historical Professionalism. Routledge, 2015).

Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами». Заметки об историках. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Abbott A. Chaos of Disciplines. Chicago: The University of Chicago Press, 2001.

Angleraud B. Les Boulangers lyonnais au XIXe siècle. Paris: Edition Christian, 1998.

Bauman Z. Intimidations of Postmodernity. L.: Routledge, 1992.

Berger S. (ed.) Labour and Social History in Great Britain: Historiographical Reviews and Agendas 1990 to the Present. Special Issue of the *Mitteilungsblatt des Instituts für soziale Bewegungen*, Klartext Verlag, 2002.

Bonnell V.E., Hunt L. (eds) Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture. Berkeley: University of California Press, 1999.

Bourdieu P., Postel-Vinay G., Rosental P.-A., Suwa-Eisenmann A. Migrations et transmission inter-générationnelles dans la France du XIXe et du début du XXe siècle // *Annales Histoire Sciences sociales*. 2000. T. 57. No. 4. P. 749–789.

Burke P. A Social History of Knowledge *From Gutenberg to Diderot*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Burke P. A Social History of Knowledge: From the Encyclopaedia to Wikipedia. Cambridge: Polity Press, 2012.

Burke P., Briggs A. A Social History of the Media: From Gutenberg to the Internet. Wiley, 2002.

Cannadine D. (ed.) What is History Today? L.: Palgrave Macmillan, 2002.

Charle Ch. Contemporary French Social History: Crisis or Hidden Renewal? // *Journal of Social History*. 2003. Vol. 37. No. 1. P. 57–68.

Cohen D., O'Connor M. (eds) Comparison and History: Europe in Cross-National Perspective. N. Y.: Routledge, 2004.

Corfield P.J. Power and the Professions in Britain, 1700–1850. L.: Routledge, 1995.

Crossick G., Haupt H.-G. The Petite Bourgeoisie in Europe 1780–1914. L., 1995.

Dezalay Y., Sugarman D. Professional Competition and Professional Power. Routledge, 1995.

Dill B., Aminzade R. Historians and the Study of Protest // *Handbook of Social Movements Across Disciplines* / B. Klandermans, C. Roggeband (eds). New York Dordrecht Heidelberg. L.: Springer. 2010. P. 267–312.

Dupaquier J., Kessler D., dir. *La société française au XIXème siècle*. Paris: Fayard, 1992.

Eley G.A. *Crooked Line: From Cultural History to the History of Society*. Ann Arbor, Mich.: University of Michigan, 2005.

Eley G., Nield K. Starting over: the Present, the Postmodern and the Moment of Social History // *Social History*. 1995. Vol. 20. No. 3. P. 73–91.

Fass P.S. Cultural History/Social History: Some Reflections on a Continuing Dialogue // *Journal of Social History*. 2003 (Fall). Vol. 37. No. 1. P. 38–46.

Fairburn M. *Social History: Problems, Strategies and Methods*. N. Y., St. Martin's Press, 1999.

Foster J. Eric Hobsbawm, Marxism and social history // *Social History*. 2014. Vol. 39. No. 2. P. 160–171.

Ginzburg C. *Roots of an Evidential Paradigm* // *Clues, Myths and the Historical Method*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989.

Harlaftis G. *The New Ways of History: Developments in Historiography*. N. Y.: Tauris Academic Studies, 2010.

Hobsbawm E. The Revival of Narrative: Some Comments // *Past and Present*. 1980 (Feb.). Vol. 86. No. 1. P. 3–8.

Hobsbawm E., Rudé G. *Captain Swing*. L.: Lawrence and Wishart, 1969.

Iggers G.G. *Historiography in the Twentieth Century. From Scientific Objectivity to the Postmodern Challenge*. Hanover (NH): Wesleyan Univ. Press; University Press of New England, 1997 [Germ. ed. 1993].

Johnson P.E. Reflections: Looking Back at Social History // *Reviews in American History*. 2011 (June). Vol. 39. No. 2. P. 379–388.

Joyce P. The End of Social History // *Social History*. 1995 (Jan.). Vol. 20. No. 1. P. 73–92.

Joyce P. Refabricating Labour History, or, From Labour History to the History of Labour // *Labour History Review*. 1997 (Summer). Vol. 62. No. 2. P. 147–152.

- Joyce P.* What is the Social in Social History? // *Past and Present*. 2010 (Feb.). Vol. 206. No. 1. P. 213–248.
- Kaelble H.* Social History in Europe // *Journal of Social History*. 2003 (Fall). Vol. 37. No. 1. P. 29–35.
- Kirk N.* Challenge, Crisis, and Renewal? Themes in the Labour History of Britain, 1960–2010 // *Labour History Review*. 2010 (Summer). Vol. 75. No. 2. P. 162–180.
- Kent Ch.* Victorian Social History: post-Thompson, post-Foucault, Postmodern // *Victorian Studies*. 1996 (Winter). Vol. 40. No. 1. P. 97–133.
- Kocka J.* Losses, Gains and Opportunities: Social History Today // *Journal of Social History*. 2003 (Fall). Vol. 37. No. 1. P. 21–28.
- Kocka J.* *Industrial Culture and Bourgeois Society: Business, Labor, and Bureaucracy in Modern Germany, 1800–1918*. N. Y.: Berghahn Books, 1999. P. 275–297.
- Marwick A.* *The New Nature of History: Knowledge, Evidence, Language*. L.: Palgrave, 2001.
- McWilliam R.* Back to the Future: E. P. Thompson, Eric Hobsbawm and the Remaking of Nineteenth-century British History // *Social history*. 2014 (May). Vol. 39. No. 2. P. 149–159.
- Navickas K.* What Happened to Class? New Histories of Labour and Collective Action in Britain // *Social History*. 2011 (May). Vol. 36. No. 2. P. 192–204.
- Navickas K.* Protest History or the History of Protest? // *History Workshop Journal*. Issue 73 (Spring 2012). P. 302–307.
- Perkin H.* *The Rise of Professional Society, England Since 1880*. L.; N.Y.: Routledge, 1989.
- Perkin H.* *The Making of a Social Historian*. L.: Athena Press, 2002.
- Price, R.* Histories of Labour and Labour History // *Labour History Review*. Dec. 2010. Vol. 75. Issue 3. P. 263–270.
- Rosenthal P.-A.* *Les Senders invisibles. Espace, familles et migrations dans la France du XIXe siècle*. Paris. Paris: Éditions de l'EHESS, 1999.
- Scott J.* *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven CT: Yale University Press, 1990.

Stearns P.N. Social History Present and Future // Journal of Social History. 2003 (Feb.). Vol. 37. Issue 1. P. 9–19.

Tilly Ch. Popular Contention in Great Britain, 1758–1834. Cambridge MA: Harvard University Press, 1995.

Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and The Challenge Of Reflexivity // History and Theory. 2006 (Feb.). Vol. 45. P. 30–50.

White H. The Practical Past. Evanston: Northwestern University Press, 2014.

Savelieva, Irina.

New “sociality” of social history [Text] : Working paper WP6/2015/03 / I. Savelieva ; National Research University Higher School of Economics. – Moscow : Higher School of Economics Publ. House, 2015. – 24 p. – (Series WP6 “Humanities”). – 150 copies. (In Russian.)

The aim of the paper is to proceed from surface judgments to more thorough knowledge of what is happening to social history today. The study delineates emergent research fields and subject matters of the recent social history and traces the development of the subdiscipline’s conceptual framework and its main categories. Both cognitive and institutional aspects of social history’s current condition are analyzed (e.g. loss of leadership, the scholarly community lacking a “midpoint” notwithstanding the numerous journals, associations, and old academic elite still persisting).

Keywords: social history, intellectual hegemony, fragmentation of history, structures and processes, sociology, marxism, postmodernism, social classes and groups, identity, social theory, history journal, scientific society

Препринт WP6/2015/03
Серия WP6
Гуманитарные исследования

Савельева Ирина Максимовна

Новая «социальность» социальной истории

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,5
Усл. печ. л. 1,4. Заказ № . Изд. № 1934

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»